
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПАРМЕНИДА

(ANTONIO CAPIZZI, *La porta di Parmenide. Due saggi per una nuova lettura del poema. Edizioni dell'Ateneo, Roma, 1975*)

Дошедшие до нас отрывки философской поэмы Парменида и в первую очередь фр. 1, относившийся, согласно сообщению Секста Эмпирика, к ее началу¹, давно служат предметом самых противоположных толкований. Если ограничиться только указанным фр. 1 и работами последнего времени, то из них выявятся не только противоречивые, но и взаимно исключающие оценки этого вступления к поэме (проэмия). С одной стороны, проэмия описывает обращение поэта к царству света, солнца и исти-

S e x t. E m p., Adv. mathem. VII, 111.

ны; этот подъем из ночи к свету получает выражение в символических картинах вступления: путь, по которому мчится колесница Парменида, — путь разума, несущие ее кони — силы, ускоряющие движение мысли, солнечные девы — сами мысли, раскрывающиеся перед поэтом во всем своем сиянии, и т. д.² В проэмии изображается поездка в солнечной колеснице над всеми расположенными внизу городами³; соответственно само путешествие Парменида получает название «подъема» к богине Справедливости⁴. С другой стороны, язык проэмии далек от «бледной аллегории, которую школьная эстетика приписывает поэту-философу», воспринимающему слова встречающей его богини как откровение, подобное посвящению в религиозные таинства⁵. Откровением считает поэму в целом и другой исследователь, который, однако, полагает, что само вступление надо понимать едва ли не буквально⁶. Наконец, путешествие Парменида вообще не является ни переходом от ночи к свету, ни «подъемом» — осмысленную картину из вступления можно получить, только решительно отбросив представление о дороге вверх и к свету, отражающее платоновско-христианскую символику⁷. Впрочем, при всем различии существующих взглядов современные исследователи сходятся, в общем, в том, что за конкретными образами Парменида (несущая его упряжка, дорога, ведущая к воротам Справедливости, и т. п.) скрывается отвлеченное представление о достижении путником границы между реальным и потусторонним миром; переступая эту границу, поэт попадает в трансцендентальные сферы, во владения надмировой богини. Поэтому проэмии в целом толкуется как некое иносказание, за которым скрывается то ли религиозное откровение, то ли астральные представления, то ли ритуал инициаций⁸.

В этих условиях книга А. Капицци представляет значительный интерес как попытка подойти к поэме Парменида с принципиально иных позиций. Небольшая монография А. Капицци вышла в серии исследований, издаваемых Институтом классической филологии университета в Урбино под руководством одного из крупнейших специалистов по греческой литературе архаического периода проф. Бруно Джентили. В работах самого Джентили и его сотрудников наряду со стремлением использовать современные методы отчетливо прослеживается тенденция к исторической конкретности в понимании и анализе античных текстов. Эта тенденция очевидна и в книге Капицци — автора работ как по истории античной философии («Протагор», 1956;

² H. Fränkel, *Dichtung und Philosophie des frühen Griechentum*, N. Y., 1951, стр. 453—455. См. уже в его «*Parmenidensstudien*», 1930, теперь в сб. «*Wege und Formen frühgriechischen Denkens*», 2, Aufl., München, 1960, стр. 159—164.

³ W. K. C. Guthrie, *A History of Greek Philosophy*. II. *The Presocratic Tradition from Parmenides to Democritus*, Camb. UP, 1965, стр. 9.

⁴ K. Deichgräber, *Parmenides' Auffahrt zur Göttin des Rechts*, «*Abh. Akad. Mainz*», 1958, № 41, Wiesbaden, 1959.

⁵ W. Jaeger, *Die Theologie der frühgriechischen Denker*, Stuttgart, 1963, стр. 111—114.

⁶ J. Mansfeld, *Die Offenbarung des Parmenides und die menschliche Welt*, Assen, 1964, стр. 223, 247.

⁷ W. Burkert, *Das Proömium des Parmenides und die Katabasis des Pythagoras*, «*Phronesis*», 14, 1969, стр. 2, 14 сл. Эта статья осталась, по-видимому, неизвестной автору обсуждаемой книги.

⁸ В советской литературе по истории античной философии проэмии к поэме Парменида не привлекал особого внимания исследователей. Посвященные ему стр. 163—165 в книге А. Н. Чанышева «Италийская философия» (М., 1975) нельзя принимать всерьез, так как автор, судя по контексту, не имеет даже отдаленного представления ни о последних изданиях текста (M. Untersteiner, 1958; L. Tarán, 1965; U. Hölscher, 1969), ни об огромной литературе вопроса (см. хотя бы работы, упомянутые выше в прим. 2—7), ни о месте проэмии в эпической традиции (ср. A. P. D. Mourélatos, *The Route of Parmenides. A Study of Word, Image and Argument in the Fragments*, Yale Univ. Press, 1970). Собственная оценка проэмии А. Н. Чанышевым отличается умозрительностью, которая не находит подтверждения в тексте и неверна уже потому, что Дика отнюдь не «традиционная богиня» античной мифологии (стр. 164), а появляясь в древнегреческой общественной мысли как раз тогда, когда в образное, мифологическое мышление проникает убеждение в организованном, закономерном характере космоса (Гесиод, Солон, Гераклит, Эсхил).

«Сократ», 1970), так и по современным проблемам⁹, хорошо знающего состояние науки в обоих названных областях. В истории античной философии положение представляется ему далеко не идеальным, поскольку со времен Гегеля ее исследователи привыкли искать в философских системах прошлого «высшие категории вечного Духа» и объяснять те или иные неясности в учении какого-нибудь древнего философа, привлекая сочинения других философов и меньше всего заботясь о выявлении конкретной общественно-политической ситуации, в которой возникли его идеи (стр. 11, 27). Даже тогда, когда результаты, достигнутые в смежных областях науки, дают в руки историков философии новые материалы для понимания обстоятельств жизни и деятельности древнего философа, эти данные не встречают подобающего им интереса.

Так произошло, в частности, и с Парменидом, занимавшим видное положение в своей родной Элее. Во всяком случае, созданное им для Элеи государственное устройство ценилось впоследствии настолько высоко, что городские власти ежегодно приносили согражданам клятву соблюдать верность его законам¹⁰. У историков античной философии связь Парменида с общественной жизнью его времени не вызывает особого интереса. Между тем, сейчас благодаря раскопкам, систематическим ведущимся итальянскими археологами с конца 1940-х годов¹¹, древняя Элея в значительной степени открыта, и результаты исследований освещены с самых различных сторон в семи специальных выпусках журнала «La parola del passato» (следует иметь в виду, что итальянские античники называют Элею на латинский лад Веллей)¹². Еще в 1965 г. участники конгресса в Таренто, посвященного обсуждению проблем философии и науки Великой Греции, имели возможность посетить раскопки Веллии, и польский ученый Б. Билинский высказал предположение, что дорога, ведущая из северного предместья Элеи к воротам в городской стене, нашла — вместе с воротами — отражение в знаменитом проэмии к поэме Парменида (фр. 1). Но самому Билинскому не пришла в голову мысль, что это вступление описывает реальные места и повествует об исторических фактах; он ограничился замечанием, что «в долине Элеи, родного города Парменида, следует искать источник его философских метафор, которые основываются, в сущности, на образе дороги и ворот»¹³. Однако участники конгресса были настолько заинтересованы найденным незадолго до этого постаментом от гермы римского времени с надписью, содержащей имя Парменида¹⁴, что выступление Билинского, как и раскопки Веллии в целом, не привлекли внимания исследователей поэмы. Капицци, напротив, ставит своей задачей прочесть весь проэмий заново, «с точки зрения исторически существовавшего Парменида, Парменида из плоти и крови, который жил в городе, состоявшем из домов, крепостных стен и улиц» (стр. 27). Чтобы понять, как это делается, нам сначала придется в самой краткой форме познакомить читателя с местоположением древней Элеи¹⁵.

⁹ A. C a p r i z z i, Dall' ateismo all' umanesimo, 1967; Impegno e disponibilità, 1971.

¹⁰ Plut. adv. Colot. 32, 1226a = Parmen. A 12 Diels—Kranz.

¹¹ Начаты они были еще раньше: в 1927 г. Майури раскопал акрополь со стилобатом древнего храма и прямоугольную башню в наиболее удаленной от моря северо-восточной оконечности городской крепостной стены середины IV в. до н. э.

¹² Том 21, вып. 108—110, объединенные общим названием «Velia e i Focci in Occidente», Napoli, 1966; том 25, вып. 130—133 («Nuovi studi di Velia», 1970). Латинское название Velia впервые засвидетельствовано у Цицерона (ad. Brut. I, 10, 4; 15,5; ad fam. VII 19; Philipp. I, 9; X 8). На одной из древнейших монет сохранилось название жителей Элеи с дигаммой: Φελτσαῖοι (C a p r i z z i, ук. соч., стр. 42 сл.).

¹³ Цит. по C a p r i z z i, ук. соч., стр. 27.

¹⁴ См. M. G i g a n t e, Parmenide e i medici nelle nuove iscrizioni di Velia, «Riv. di filologia», 95, 1967, стр. 487—490; A. d e F r a n c i s c i s, Sculture connesse con la scuola medica di Elea, PdP, 25, 1970, стр. 267—287 (с подстрочной библиографией).

¹⁵ Для этой цели я пользуюсь статьей руководителя раскопок с 1960 г. проф. Марио Наполи (M. N a p o l i, La ricerca archeologica di Velia, PdP, 21, 1966, стр. 191—226), обзором Джулио Шмидта (G. S c h m i e d t, Contributo alla ricostruzione della situazione geotopografica..., PdP, 25, 1970, стр. 65—92) и приложенной к нему картой. Отсутствие плана Элеи в книге Капицци значительно затрудняет ориентацию в его изложении для читателя, не имеющего возможности ознакомиться с результатами раскопок на местности. Последняя работа, носящая обобщающий характер (M. N a p o l i, Guida degli scavi di Velia, 1972), осталась мне, к сожалению, недоступной.

Небольшой мыс на тирренском побережье Италии, где находилась Элея, представляет собою три холма. Они расположены один за другим по оси, направленной с северо-востока на юго-запад. Верхняя отметка первого холма, находящегося дальше всего от оконечности мыса, составляет 142 м над уровнем моря, а нижняя, в том месте, где первый холм от второго отделяет дорога, ведущая с северо-запада на юго-восток, — 67,2 м. Для самой дороги это — ее верхняя точка, спускающиеся от нее северный и южный участки прослеживаются до отметки в 20 м. Второй холм, сравнительно пологий, опускаясь до уровня 58,5 м, переходит в третий, верхняя точка которого — 72 м. Расстояние от вершины первого холма до дороги (по прямой) около 770 м, длина второго холма (по продольной оси) — около 260 м, третьего — около 430 м. На нем был расположен акрополь; наиболее древние части его датируются последними десятилетиями VI в., т. е. вскоре после основания Элеи фокейцами в 540 г. до н. э. К этому раннему периоду относятся и остатки так называемых ворот (Porta Arcaica) с примыкающими к ним частями старой стены¹⁶ (длина западного отрезка 3 м, восточного — 2,6; толщина стены — 2,9), которая пересекала уже известную нам дорогу между первым и вторым холмом. Дорога эта раскопана на юг от Древних ворот примерно на 170 м, на север — еще около 80 м. Дальше обнаружена ее часть, которая подводила из города к воротам в стене, окружавшей северное предместье; эти ворота названы Северными морскими и являются сравнительно поздними. Что же касается Древних ворот, сооруженных, как уже говорилось, в последние десятилетия VI в., то они отличаются тем, что не имеют пилястров: гнезда для дверных петель были врезаны прямо в стену. Если встать перед воротами лицом к северу, то в правой стене можно увидеть паз глубиной в 2—3 см, который служил, скорее всего, местом для конца засова. Следовательно, ворота затворялись с юга на север. У их подножья сохранился порог из туфа. Возведение древнейшей стены с воротами сразу же после основания колонии заставляет М. Наполи предполагать, что заселенные в это время южные кварталы жили обособленной жизнью, не соприкасаясь с северной частью города, которая была освоена и составляла общую территорию с акрополем еще в первой половине VI в.: тогда здесь уже существовала фокейская стоянка для судов.

В какой же связи находится текст поэмы Парменида с данными археологии? Чтобы понять это, мы должны вернуться к книге Капицци — главным образом, к ее первой, наиболее обширной главе, озаглавленной «Проэмия Парменида и раскопки Велии» (стр. 15—70) и посвященной преимущественно анализу фр. 1. Он начинается с известного описания того, как упряжка кобылиц несет путника, вступив *ἐς... ὁδόν... πόλιος φημὸν... δαίμονος, ἣ κατα πύργῳσσι φέρει εἰδὸτα φῶτα* (ст. 2 сл.).

На первый же возникающий вопрос, что такое «дорога божества», исследователи Парменида давали самые различные ответы, большей частью отвлеченного характера. Так или иначе эту дорогу пытались связать либо с Дикой, встречающей путника у ворот (ст. 14), либо с богиней (Θεά, ст. 22), открывающей ему истину. По мнению Капицци, под *δαίμων* не может разумеаться ни та, ни другая, поскольку обе они находятся по ту сторону ворот и Пармениду только еще предстоит свидание с ними. Капицци полагает, что здесь имеется в виду местная нимфа Велия, чьим именем был назван город: по свидетельству Страбона (VI, 1, С.252), основавшие его фокейцы заимствовали имя для своей колонии (Ἐλέλη) от источника, носившего название Ἐλέλη. Вокруг источника был расположен священный участок нимфы, по которому и шла дорога (стр. 37 сл.). Что местную богиню-покровительницу не называют по имени, вполне естественно: для каждого греческого полиса *δαίμων* — прежде всего его собственное божество (стр. 36). В этом Капицци сходится с Буркертом (ук. соч., стр. 13 сл.), вспоминающим свидетельство Прокла о почитании элейцами нимфы Гипсипилы. Если же речь идет у Парменида о местном божестве, то и упоминаемую им дорогу (*ὁδός*) незачем искать на границе миров, в эфире или т. п.: поэт описывает ту самую дорогу, которая ведет с северо-запада на юго-восток через Элею, а еще точнее —

¹⁶ Более поздняя стена IV в. с другими воротами отстоит от Древних ворот на 27.8 м к северу и нас здесь интересовать не будет.

через все ее кварталы (πάντα ἄστρα). Подтверждение этому Капицци находит в употреблении ἄστρο как «городского квартала» у Геродота (I, 176), где «город» (ἄστρο) явно противопоставляется «крепости» (ἀκρόπολις). При таком объяснении εἶδος φῶς — не «мудрец», как его обычно понимают, а «человек (муж), знающий» дорогу и окружающие ее места, потому что здесь он вырос (стр. 24, 30—32).

В ст. 5 впервые упоминаются «девы» (χοῦραι), указывавшие дорогу путнику. Их обычно отождествляют с «девами Гелиадами» из ст. 9 и снова «девами» в ст. 15 и 21. Поскольку же они, «оставив дом Ночи, торопились проводить (путника) к свету, сбросив руками с голов покрывала» (ст. 9 сл.), то в этих девах видят дочерей Гелиоса, покидающих на рассвете вместе с отцом дом Ночи и то ли сопровождающих нашего путешественника, то ли спешащих ему навстречу. Капицци и здесь предлагает объяснение, исходящее из топографии раскопанной теперь Элеи. Конечно, Гелиады — дочери Гелиоса, и ученые проявили чудеса остроумия, чтобы расшифровать символику, якобы скрытую за их образом у Парменида. Но никто из современных исследователей не обратил внимания на то обстоятельство, что, за исключением одного места в «Одиссее» (XII, 131—133), Гелиады появляются в греческой поэзии только затем, чтобы, оплакивая гибель своего брата Фазтона, превратиться в тополя. Сюжет этот был известен, вероятно, уже Гесиоду и, во всяком случае, получил отражение в эхилловских «Гелиадах»¹⁷. Поэтому Еврипид в «Ипполите» (стр. 738—741) называет деревья, растущие на берегу Эридана (куда упал Фазтон), «несчастными девами». Нет ничего удивительного в том, что и Парменид пользуется этим образом. Поскольку же известно, что незаселенную часть элейского мыса покрывал лес, сохранившийся отчасти до наших дней (рыбацкий поселок в 10 км от места раскопок и поныне носит название Ριόρρι «Тополя»), то наиболее естественным объяснением для «дев Гелиад» является отождествление с ними тополей, растущих вдоль дороги. Поэтому они «торопились проводить» путника — подобно тому как «торопятся» мимо сздока природолюбные предметы; они же, обрамляя дорогу, «указывали путь» (ὄδον ἡγεμονεύουσιν, 5) лошадям, которых и привели прямо к цели (ἰθὺς ἔκον χοῦραι, 21) (стр. 32—34). Остается объяснить, почему Гелиады-тополя, «оставив дом Ночи, торопились проводить (путника) к свету» и при этом сбросили со своих голов покрывала. Ответ дает опять топография древней Элеи.

Мы помним, что над ее территорией господствовал высокий холм, тень от которого с раннего утра и до полудня падала, естественно, на северную часть города. Парменид, в представлении Капицци, едет утром с севера на юг, поднимаясь по дороге вверх по склону холма (разница между верхней и нижней точкой дороги составляет, как говорилось, около 47 м). Чем ближе колесница к седловине дороги, тем больше светлеют верхушки деревьев; поэт воспринимает это так, как будто девушки-тополя, с помощью своих рук-ветвей¹⁸ сбрасывают с головы покрывала — лежащую на их вершинах тень от холма¹⁹. Так становится одновременно понятно, почему «девы Гелиады», «оставив дом Ночи», торопились проводить путника к свету: помимо того, что север вообще естественно ассоциировать с царством Ночи, в Элее, из-за загораживавшего ее с востока холма, на северных кварталах в течение большей части дня лежала тень (стр. 34 сл.).

И вот путник достигает заметного рубежа: «Здесь на путях Ночи и Дня находятся ворота, которые ограничивает с обеих сторон (ἄμφω, т. е. сверху и снизу) навратный косяк (ὑπερθύρον, „архитрав“) и каменный порог. Сами же эфирные ворота заполнены большими створками, и сменяющиеся ключи (от них) держат строго карающая Дика» (стр. 11—14). В этой картине Капицци обращает внимание прежде

¹⁷ См. Die Fragmente der Tragödien des Aischylos, hrsg. von H. J. Mette, B., 1959, стр. 33—37; Der verlorene Aischylos, von H. J. Mette, B., 1963, стр. 181—183.

¹⁸ Чтобы доказать распространенность сравнения ветвей деревьев с девичьими руками, Капицци ссылается на описание Гелиад в «Метаморфозах» Овидия, II, 350—352.

¹⁹ То же отождествление тополей с Гелиадами Капицци видит в ст. 15, где они обращаются к Дике «с нежными речами»: в шелесте листвы фантазия поэта слышит трепещущий голос девушек (стр. 35).

всего на глаголы, употребленные в настоящем времени ($\epsilon\iota\sigma\iota$, $\epsilon\chi\epsilon\iota$ — 11, 12, 14) или в перфекте ($\pi\lambda\eta\upsilon\tau\alpha\iota$), в отличие от исторических времен, в которых выдержано все остальное изложение. Значение главных времен в таком контексте автор видит в том, что, как во всяком повествовании, рассказчик останавливает внимание аудитории на знакомых ей объектах, позволяющих максимально конкретизировать рассказ. В поэме Парменида такой прием не имел бы смысла, если бы речь шла не о реальных воротах, которые каждый житель Элеи имел повседневно перед глазами²⁰. Подтверждение тому, что Парменид описывает элейские ворота, дают и такие детали, как каменный порог и отсутствие пилястров, засвидетельствованные раскопками. Затем, из расположения Древних ворот на верхней точке дороги получает объяснение связь ворот у Парменида с путями Ночи и Дня: перед воротами лежит северный, затененный участок дороги, за воротами — южный, освещенный солнцем. Таким образом, ворота разделяют путь Парменида на две части — темную («путь Ночи») и светлую («путь Дня»). Это вполне совпадает с постулируемым маршрутом поэта с севера на юг. К тому же сейчас, когда ворота и примыкающая к ним территория раскопаны, достаточно одного взгляда в полдень на отрезок дороги, поднимающийся к воротам с севера и лежащий в глубокой тени, и на ту часть, которая находится за воротами и щедро озарена солнцем, чтобы понять, почему Древние ворота в Элее представлялись Пармениду находящимися «на путях Ночи и Дня». Наконец, Дика, вняв убеждению Гелиад, отодвигает снабженный задвижкой засов, и обитые медью половинки ворот, поворачиваясь на осях, открывают перед путником зияющую бездну ($\chi\alpha\sigma\mu\lambda\upsilon\chi\alpha\nu\epsilon\varsigma$) (ст. 15—20) — это описание опять совпадает с результатами раскопок, поскольку ворота и в поэме Парменида, и в Элее отворяются внутрь, с севера на юг, а паз для засова и место для врезанных петель обнаружены в остатках стены, примыкающих к воротам (стр. 25, 38—40).

В дальнейшей интерпретации проэпия Капицци также стремится исходить из восстанавливаемой им исторической обстановки в Элее, а не из приписываемой Пармениду абстрактной символики. Так, ключи от ворот («сменяющиеся», $\acute{\alpha}\mu\omega\iota\beta\omega\iota$) в руках у Дики свидетельствуют о том, что после периода взаимной вражды между обитателями северных и южных кварталов установились нормальные, «справедливые» отношения: Капицци считает это заслугой Парменида-законодателя (стр. 41, 47.) Что же касается причин, породивших было раздоры среди элейцев, то здесь можно предположить две возможности: либо конфликт между различными этническими группами, либо социальные противоречия. Первая возможность подтверждается свидетельством Страбона (С 252), из которого напрашивается вывод, что кроме фокейцев, говоривших на ионийском диалекте, в состав населения Элеи входили также дорийцы из Посидонии и разоренного в 510 г. Сибариса. Для доказательства второго предположения прямых указаний источников нет, и его приходится обосновывать ссылками на конфликты, подобные сепаратизму плебса в Риме или внутренней борьбе, происходившей примерно в то же время в Сиракузах и Геле (стр. 41—45). Оставляя вопрос о причинах противоречий среди элейцев в пределах двух обрисованных им вариантов, Капицци основное внимание сосредоточивает на личности посредника, которому удается примирить враждующие группировки, возглавить восстановленную гражданскую общину и закрепить достигнутое единство посредством новой конституции, — в этой роли выступили в Великой Греции Залевк у эпизефирейских локров и Харонд в Регию; такая же обязанность выпала на долю Парменида в Элее. Описываемая в проэпии поездка есть не что иное, как выполнение им посреднической миссии, результатом которой оказалось согласие жителей южных районов вручить наблюдение за воротами Дике, т. е. поставить отношение между соседями на справедливую основу. Богиня, приветствующая Парменида, уже въехавшего в ворота, говорит, что «следовать по этой дороге побудила (его) не злая доля ($\mu\omicron\iota\pi\alpha$ $\kappa\alpha\kappa\acute{\eta}$), а право и справедливость ($\theta\epsilon\mu\epsilon\varsigma$ $\tau\epsilon$ $\delta\iota\kappa\eta$ $\tau\epsilon$)» (ст. 26—28), — значит, его усилия увенчались успехом (стр. 45—48).

Засвидетельствованный источниками факт процветания Элеи в результате за-

²⁰ Настоящее время $\phi\epsilon\rho\sigma\iota$ в ст. 3 также указывает на известную аудитории дороге (стр. 25).

конодательной деятельности Парменида и Зенона, по мнению Капицци, не только подтверждает выдающуюся роль философа-законодателя в истории родного города, но и указывает средство достижения этого процветания — политическую сплоченность граждан, объединение их в одно целое. Понятием «плотность», «сплоченность» (*la compatezza*) Капицци пользуется для передачи греческого *ὁμοίτης*, производного от *ὁμοίος*, которое является одной из основных характеристик парменидовского сущего» (*ὄν*): то, что существует, не только всегда *ὁμοίον* (фр. 8, ст. 22), но и непрерывно в своем стремлении к «однородности» (*l'omogeneità*) (там же, ст. 46 сл.); оно «одинаково во всех направлениях» (*ὁμοῦς ἐν πείρασι κόρηι*, «одинаково достигает своих пределов», ст. 49) и может быть сравнено «с фигурой равномерно округлого шара, чья поверхность одинаково удалена от центра» (ст. 43 сл.). Все эти характеристики, которые исследователи античной философии пытаются объяснить применительно к абстрактному метафизическому «сущему», в действительности понятны только в том случае, если они относятся к конкретному, реально существующему полису: коль скоро государство «есть», то оно «существует», и главным условием его существования является сплоченность, неотторжимость его частей, не допускающая «пустоты» (стр. 48 сл., 68—70).

Какие же политические обстоятельства побудили элейцев пойти на установление гражданского мира? Для ответа на этот вопрос Капицци возвращается к фр. 1, где богиня приветствует путника словами: *ὦ κόρη? ἀθανάτοισι συνάρορος ἡνίοχοςισιν* (24). Последние три слова переводят обычно как «сопровождаемый бессмертными возницами», подразумеваемая при этом все тех же Гелиады. Толкование это неприемлемо для автора по двум причинам. Прежде всего, Гелиады, даже если согласиться с их участием в путешествии Парменида в традиционном понимании, являются все же девами, указывающими путь, а вовсе не возницами. Во-вторых, для *συνάρορος* более свойственно активное значение «участник», «спутник»²¹. Отсюда Капицци понимает разбираемое словосочетание как «равный бессмертным возницам», т. е. победителям на Олимпийских или каких-нибудь других общегреческих играх. Помня при этом, что *ἡνίοχος* наряду с прямым значением имеет еще переносное — «правитель», автор приходит к выводу, что Парменид сопоставляет себя с неоднократным победителем в состязаниях колесниц, сиракузским тираном Гиероном — однако из этого сопоставления выявляется не сходство между ними, а глубокое различие. Привлекая текст трех эпиникиев, воспевавших победу Гиерона в конных соревнованиях (Пиндар, Ол. I и Пиф. II, а также Вакхилид, эп. V), Капицци находит объяснение еще двум понятиям из фр. 1 Парменида.

Во-первых, это обращение *κόρη* (в уже цитированном стихе). Капицци далек от мысли искать здесь возрастную характеристику Парменида. Его внимание привлекают обращенные к Гиерону слова Пиндара (II Пиф., 63—67): «Молодости подобает отвага в грозных войнах; поэтому я говорю, что ты снискал себе безграничную славу (*ἀπεύρονα δόξα*), сражаясь как среди мужей-конников, так и в пешем строю. Твои же зрелые замыслы дают мне право без риска всячески прославлять тебя». Такое же противопоставление отважной молодости умудренному знаниями зрелому возрасту, когда человек способен быть правителем своих сограждан, Капицци видит в разбираемом стихе Парменида: называя его *κόρη* и одновременно «равным божественным правителям», богиня подчеркивает его политическую зрелость.

Во-вторых, из сравнения фр. 1 Парменида с кругом идей, присущих эпиникиям Пиндара и Вакхилида, автор предлагает свое толкование понятия *δόξα* в ст. 30. Обычно его переводят как человеческое «мнение», ограниченное и недостаточное по сравнению с «истиной». Между тем, у Пиндара *ἀπειρών δόξα* обозначает «безграничную славу»,

²¹ Капицци ссылается на Од. VIII, 99 (*φόρμιγγε δαίτι συνήρορος* — «форминга, спутница пиршества»; здесь активное значение *συνήρορος* несомненно (ср. XVII, 271, где синонимом *συνήρορος* является *εταίρη*). Можно было бы привести также два случая из лирики, где встречаются *συνάρορος*: П и н д а р, Нем. IV, 5 (похвала выступает как «спутница», «подруга» форминги); его же фр. 122, 15 — «запев — спутник жен» (*ξυνάρορος... γυναιξίν*).

которую завоевал своими победами Гиерон²². Эту людскую славу и ставит под сомнение богиня в парменидовском проэмии, как малодостоверную. Явная же оппозиция элейского законодателя по отношению к сиракузскому тирану объясняется тем, что после победы при Куме агрессивные устремления Гиерона направлялись в сторону тирренского побережья; в частности, непосредственную опасность для Элеи представляла сиракузская колония, выведенная в 470 г. в Питекусу (о-в Исхия) (стр. 51—61).

Перед лицом этой опасности элейцы и нуждались больше всего в сплоченности и устойчивости своего государственного организма. Два онтологических принципа, свойственные парменидовскому «сущему» — *ὄμοιότης* и *ἀτρέκεια*, — получают свое объяснение из политической ситуации, сложившейся около 470 г. в Элее. *ὄμοιότης* составляло, согласно Капицци, одно из правил пифагорейской общины, правившей в Кротоне; *ἀτρέκεια* («неизменность», «устойчивость»), по свидетельству Пиндара (Ол. X, 13), царила у эпизефирейских локров, уже упоминавшихся в связи с законодательством Залевка. Оба эти свойства вместе с равномерностью удаления всех периферийных точек от центра «бытия» представляют в системе Парменида не что иное, как перенесение в сферу умозрительного мышления политических принципов — «цельности» полиса и «неподвижности, неизменности» его государственного устройства. Попытки подобного прочтения Парменида предпринимались уже в конце 40-х годов²³; смысла *τὸς* на своих предшественников и отмечая известные моменты расхождения с ними, Капицци вместе с тем подчеркивает плодотворность их мыслей, которые теперь, после раскопок древней Элеи, получили подтверждение на материале археологии (стр. 63—70).

Хотя размеры рецензии заставляют нас ограничиться изложением только первой из двух глав, составляющих работу Капицци²⁴, из него, как мы надеемся, достаточно ясно выявляется методологическое направление исследования в целом; можно также легко себе представить, насколько эта методика должна шокировать историков античной философии, привыкших видеть в Пармениде основоположника «чистого мышления», свободного от всяких оков действительности. Впрочем, подобный эффект предвидит и сам Капицци, и Джентили, предваривший рецензируемую книгу краткой вступительной заметкой. «Исследование Капицци, — пишет здесь Джентили, — несомненно приведет в смущение многих специалистов по античной философии, которые по традиции и привычке подходят к текстам досократовской философии с мерками и категориями, свойственными философии современной» (стр. 9). С другой стороны, автор, предложивший столь необычную интерпретацию поэмы Парменида, отнюдь не претендует на разрешение всех проблем, которые не сумели решить поколения знаменитых филологов, и не собирается категорически отменять результаты предшествующих исследований; он не сомневается также, что его работа не свободна от ошибок, неизбежных при всяком необычном взгляде на предмет. Главное для автора — новизна его методологического подхода (стр. 13), и именно с этой стороны надлежит в первую очередь оценивать книгу Капицци.

Начнем с того, что принципиальная установка автора — видеть в Пармениде живого человека, активного участника общественной жизни своего времени — встречает у нас полное понимание и поддержку. Не отрицая общечеловеческого значения различных видов античной культуры и их воздействия на общественное мышление и художественную практику нового времени, не следует забывать, что создатели духовных ценностей древнего мира едва ли задумывались над тем местом, которое их творения будут занимать спустя две с половиной тысячи лет среди неведомых им

²² Ср. *Ἡρόδοτος* у Вакхилида (V, 194).

²³ G. Vlastos, *Equality and Justice in Early Greek Cosmology*, *ClPh*, 42, 1947, стр. 160—164; E. L. Minar, *Parmenides and the World of Seeming*, *AJPh*, 70, 1949, стр. 41—55.

²⁴ Вторая глава называется: «„Третий путь“ Парменида и сражение при Гимере» (стр. 73—112); ее содержание составляет гносеология Парменида, толкуемая в связи с конкретным положением Элеи среди других средиземноморских городов-государств. К книге приложены также 4 указателя: именной (древних персонажей и современных ученых), исследуемых греческих слов и использованных античных источников.

народов. Пиндар понимал, что без песни, внушенной Музами, давно померкла бы слава героев прошлого и что его лира запечатлевает для потомков величие воспеваемых им победителей (Пиф. III, 140—145; Нем. VII, 11—16). Однако и при столь высокой оценке поэтического дарования, собственное творчество Пиндара и его современников — будь то Симонид, Вакхилид или Эсхил, — жило запросами повседневной жизни. Не составляли, конечно, исключения в этом смысле и философы, и если мы теперь, всего лишь через неполных полтора столетия после гибели Пушкина или Лермонтова, с жадностью накидываемся на всякие открытия, позволяющие за стихами на общечеловеческие темы видеть совершенно конкретные причины, способствовавшие их появлению, то почему надо подвергать сомнению столь же конкретные, реально существовавшие источники, пробуждавшие вдохновение древнего эллина, в котором поэт, философ и законодатель объединились в одном лице? К этому следует добавить, что перенесение в древнейшей греческой поэзии и философии на космос категорий, выработавшихся в сфере общественного мышления, является давно признанным фактом и во всяком случае не заслуживает того презрительного ярлыка «ужасного упрощения», которым Швабль²⁵ наделил упомянутую выше статью Майнара. Вопрос весь в том, насколько убедительно в целом и в деталях прослеживаются подобные связи между социальной действительностью и абстрагирующим мышлением. Наши дальнейшие замечания как раз имеют целью выявить некоторые моменты, представляющиеся нам недостаточно аргументированными в работе Капицци.

Сама мысль об отражении в проэзии Парменида реально существовавшей в Элее дороги кажется нам очень заманчивой. В свое время Цицерон устами Марка Антония рекомендовал оратору запоминать порядок изложения речи по картине какого-нибудь хорошо знакомого места, так как зрительные впечатления лучше всего сохраняются в памяти («Об ораторе» II 354, 357). Почему не допустить, что Парменид задолго до этого использовал всем известное свойство человеческого восприятия, чтобы сделать создаваемые им образы наиболее доступными для его современников? Однако в деталях толкование Капицци создает известные трудности.

Изображение ворот у Парменида сравнивают обычно с описанием находящихся в Тартаре мраморных ворот с медным порогом из «Теогонии» Гесиода. Следует, однако, заметить, что существует только отдаленное сходство между фр. 1, ст. 11 сл. Парменида и ст. 814 из «Теогонии». Больше общего — между завершающими стопами ст. 12 и рядом стихов из «Одиссеи» (VIII, 30; XVI, 41; XVII, 30; XXIII, 88) и гомеровского гимна к Гермесу (233) у Парменида внизу ворот расположен каменный порог (λίθινος οὐδός), в указанных стихах из эпоса различные персонажи переступают каменный порог (ὄπερβη, κατεβήσατο λίθινον οὐδόν), который является принадлежностью как дельфийского храма Аполлона и богатого дома Одиссея, так и бедной хижинки Евмея и даже пещеры аркадской нимфы Майи. Но если столь разные помещения объединяются таким общим признаком, как ведущий в них каменный порог, то можно ли считать упоминание его в Парменидовском проэзии отражением некоего реального сооружения? Не вернее ли видеть в заключении ст. 11 просто эпическую формулу, прикрепленную чаще всего к двум завершающим стопам гексаметра²⁶?

Описание ворот у Парменида создает в рамках толкования Капицци еще два затруднения. Во-первых, как объяснить, что они названы эфирными (αιθέριαι)? Во-вторых, почему их створки, открываясь, обнаруживают «зияющую бездну» (χάσμα ἀχανές, 18)? Для тех исследователей, которые помещают эти ворота где-то на границе обитаемого мира и окружающей его бесконечности, объяснение обоих признаков не составляет труда: ворота находятся в области, заполненной эфиром²⁷, и за ними разверзается

²⁵ H. Schwaibl, *Parmenides*, «Anzeiger für die Altertumswissenschaft», 1X, 1956, стб. 144.

²⁶ H. Pffeiffer, *Die Stellung des Parmenideischen Lehrgedichtes in der epischen Tradition*, Bonn, 1975, стр. 18 и 36. Пользуюсь случаем выразить здесь благодарность за присланную мне книгу проф. Боннского ун-та Вольфгангу Шмиду.

²⁷ Эфир в космологии Парменида является «всеохватывающим» или «вездесущим» (ἕνους, фр. 11, 2); в его пределах расположены все «знамения» (σηματα, фр. 10, 1—2).

безграничная пропасть. Но как согласовать зияющую бездну по ту сторону ворот с населенными кварталами Элеи, залитыми полуденным солнцем? И где — в бездне или среди этих кварталов — найти место для богини, дающей свои наставления Пармениду? Кстати, и сами «кварталы» древней Элеи не столь бесспорно присутствуют в проэмии Парменида, как это может показаться с первого взгляда.

Дело не только в том, что чтение πάντ' ἄστῃ является конъектурой, — засвидетельствованное в рукописях Секста πάντ' ἄστῃ (N) или πάντα τῇ (E) не дает удовлетворительного смысла и уже в третьем издании Дильса было заменено по совету Мау на ἄστῃ²⁸, хоть и принятое большинством исследователей, но таящее в себе новые трудности.

Важнее другое. В том пассаже из Геродота (I, 176), на который ссылается Капицци (стр. 30), ἄστυ действительно противопоставляется акрополю, но не как часть города, а как весь город, расположенный на равнине. К тому же такое противопоставление является у Геродота, по-видимому, единичным, — в остальных 51 случае под ἄστυ у него разумеется вообще город. В поэтической традиции, предшествовавшей и современной Пармениду, т. е. в эпосе и в лирике, ἄστυ обозначает город как «населенный пункт», большой или малый. Если ἄστυ «город» и противопоставляется полису как общественной организации (ср. Од. VI 176—178), то такие образования, как имя Ἀστυνάξι или эпитет ἀστυθέμις, прилагаемый к Гиерону (Вакх. IV 3), указывают все же, что в слове ἄστυ предполагается некая совокупность граждан, а не их распределение по отдельным жилым кварталам. Поэтому я думаю, что парменидовская Элея и до, и после примирения жителей ее южной и северной половин оставалась все же одним ἄστυ, а корректным переводом интересующего нас сочетания в ст. 3 будет: «(дорога. . .) которая ведет через все города». Что это значит, другой вопрос.

В филологическом отношении вызывают известное затруднение при попытке согласовать их с толкованием Капицци еще несколько моментов.

В ст. 3 Капицци принимает сочетание εἰδότης φόρα как «мужа, знающего (дорогу)». Однако, как справедливо заметил Буркерт (ук. соч., стр. 5), причастие εἰδώς без дополнения возможно только в двух случаях: в словосочетании πρὸς εἰδότης λέγειν, когда объект «знания» предполагается известным из контекста, или в смысле «посвященный», «знающий тайны мистерий». Второе употребление явно не укладывается в ход мыслей Капицци, первого просто нет в тексте. Как выйти из этого положения?

Далее. Признавая, что отождествление Гелиад с тополями подкупает несомненной логикой, я тем не менее затрудняюсь объяснить аористное причастие ὠσάμεναι в ст. 10. Если верхушки деревьев светлели постепенно, по мере приближения путника к верхней точке дороги, то естественно ожидать здесь причастия настоящего времени: Гелиады торопились проводить путника, «сбрасывая с голов покрывала», а не «сбросив» их однократным движением.

Неясным остается также при толковании Капицци, почему дорога, по которой Парменид достиг богини, «находится вдали (в стороне) от человеческой тропы» (ἀπ' ἀνθρώπων ἕκτος τίτου ἐστίν, 27). Автор объясняет эту характеристику таким образом, что дорога, по которой ехал Парменид, раньше, в пору раздоров между жителями северной и южной части Элеи, была нелюдима, в результате же его законодательной деятельности стала артерией, связавшей две половины города. Однако этому толкованию явно противоречит настоящее время ἐστίν, отчетливо указывающее, что и в момент беседы Парменида с богиней дорога о с т а е т с я вдали от обычных человеческих путей. (Попугно заметим, что археологи датируют «оформление» этой уличной магистрали IV в.; в эпоху Парменида она могла, конечно, существовать в виде проезжей колеи.)

До-прежнему спорным остается толкование κοῦρα в ст. 24. В определении хронологии Парменида Капицци исходит из сообщения Платона («Парменид», 127 a—c) и датирует рождение элейского философа примерно 510 г., а написание поэмы, кото-

О месте эфира в представлениях досократиков см. А. Ф. Лосев, Лексика древнегреческого учения об элементах, «Вопросы филологии. К 70-летию проф. И. А. Васильенко», М., 1969, стр. 239—241.

²⁸ См. А. Н. Сохон, The text of Parmenides fr. 1,3, «Classical Quarterly», 18. 1968, стр. 69.

рое он связывает с уже упоминавшимся выводом сиракузской колонии в Питекусу, — серединой 460-х годов. Таким образом, к этому времени Пармениду было около 45 лет, и возрастной критерий для понимания термина *κοῦρος* отпадает. Как мы видели, Капицци пытается разрешить затруднения, привлекая оценку Гиерона во II Пифийской оде Пиндара (63—67), где якобы противопоставляются молодая отвага и зрелый ум сицилийского тирана. Но ссылка на Пиндара бьет мимо цели, так как здесь, после самого общего высказывания о том, что «молодости подобает отвага в грозных войнах», Пиндар вспоминает о «безграничной славе», которую Гиерон снискал (*εὐρεῖν* — инфинитив аориста), сражаясь в конном и пешем строю, а теперь его «зрелые (собств., старческие) замыслы» (*βουλαὶ πρεσβύτεραι*) дают поэту право восхвалять его без опасения. Таким образом, молодой задор у Гиерона — явно в далеком прошлом, и в загадочном *κοῦρε* из проэмия Парменида это сравнение едва ли что-нибудь проясняет. Остается другой путь, предложенный Буркертом (ук. соч., стр. 14): *κοῦρος* — «принятый в святилище», независимо от возраста, т. е. допущенный к богине, но это объяснение, естественно, противоречит всему методу доказательства, принятому Капицци.

В связи с предпринятым Капицци сравнением Парменида с Гиероном возникает один вопрос. Допустим, что *δοξα* в проэмии (ст. 30) действительно характеризует «раздутую» репутацию Гиерона, — как соотносит это значение слова *δοξα* с его употреблением в основной части поэмы, не имеющей отношения к Гиерону и трактующей проблемы гносеологии?

Из этой основной части поэмы Парменида мы говорили выше о том разделе фр. 8, где речь идет якобы о «плотности» шарообразного сущего, которую Капицци предлагает понимать как «сплоченность», необходимую для процветания города-государства. Мне кажется вполне убедительным объяснение Капицци того, откуда возникла сама идея шарообразности сущего: поскольку греки охотно переносили на природу общественно-политические представления, постольку идеальным могло считаться только ее устройство, при котором периферия во всех точках равно удалена от центра. Связь же «геометрического» центра с равноправием граждан в пределах государства отчетливо прослеживается в известном рассказе Геродота (III, 142) о самосце Меандрии, который после гибели Поликрата объявил собравшимся самосцам — судя по всему, отнюдь не искренне, — что он устанавливает исономию, «складывая свои полномочия посередине» (*ἐς μέσον τῆν ἀρχὴν τιθεῖς*)²⁹. Точно так же друидам для решения всяких тяжб полагалось заседать в священном месте в области карнатов, которая считалась «серединой» (*media habetur*) по отношению ко всей Галлии (Caes., B. G. VI, 13, 10); это, по-видимому, должно было обеспечить беспристрастие судей и справедливость выносимых приговоров.

Таким образом, для *ὁμοιότης* в картине мира у Парменида может быть принято значение «равномерная удаленность» периферии от центра, хотя само это существительное у него не засвидетельствовано, а встречалось в указанном смысле, по-видимому, у Анаксимандра (26 D.—K). Но значения «плотный» прилагательное *ὁμοίος* не имеет, и переводить *ὁμοιότης* итальянским *compatezza* — значит придавать ему смысл, пужный исследователю, но отсутствующий в языке.

Последнее наше замечание касается античного свидетельства, которое Капицци привлекает для выяснения хронологии Парменида. Речь идет об уже упоминавшемся «Пармениде» Платона (128 cd), где Зенон сообщает о причине, побудившей его написать сочинение в защиту элейской школы: оно было направлено против тех, кто пытался высмеивать Парменида за его тезис о существовании «единого». Кто были эти люди, насмеявшиеся над Парменидом? Если его сограждане, то, очевидно, несмотря на весь успех его законодательной деятельности, среди элеатов нашлись либо противники гражданской «сплоченности», либо не понявшие глубокого политического смысла учения о «сущем».

²⁹ См. J.-P. Vernant, Structure géométrique et notions politiques dans la cosmologie d'Anaximandre, «Eirene», 8, 1968, стр. 5 сл. Ср. также его работы, упомянутые Капицци (стр. 69, прим. 131).

Однако контекст платоновского диалога делает более вероятным предположение, что хулиателями Парменида были не его соотечественники, а философы из других городов Греции, не знакомые с конкретной обстановкой в Элее и не сумевшие или не стремившиеся вскрыть в поэме Парменида ее общественную подоплеку. В этом случае они, следовательно, подходили к идеям Парменида уже с отвлеченных, умозрительных позиций, т. е. поступали так, как это делают современные историки античной философии. Таким образом, оппоненты Парменида первыми встретили его сочинение на том пути, который проходит всякое значительное создание человеческой мысли в течение столетий: оно начинает жить самостоятельной жизнью, и с этой точки зрения различные его толкования вполне объяснимы. Иное дело, что, вскрывая конкретную специфику возникновения того или иного античного художественного произведения или философского трактата (а поэма Парменида объединяла в себе, по-видимому, признаки обоих типов мышления), исследователь может внести свой вклад в историю древней общественной мысли, как она складывалась много веков тому назад для самих участников исторического процесса. По отношению к Пармениду Капицци сделал в этом направлении шаг огромной важности, хотя многое, несомненно, нуждается в уточнении. Самым главным здесь, на наш взгляд, остается еще выяснение того, как мысль элейского законодателя находит путь от конкретных социальных обстоятельств его времени к отвлеченным обобщениям онтологического характера, которые обеспечили ему столь значительное место в истории мировой философии.

В. Н. Ярхо